

Ярослав Северцев

ЭМИГРАНТКА

КНИГА ПЕРВАЯ:
Право на месть

18+

Ярослав Северцев

Эмигрантка

<https://litres.ru/74609777>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Торонто стоял февраль 1994 года — самый промозглый, серый и чужой февраль в жизни Наташи. В погоне за иллюзорной заграничной мечтой дипломированный московский филолог превратилась в забитую эмигрантку, выживающую на трех грязных работах. Но настоящий ад ждал её дома, где муж — циничный домашний тиран — методично стирал её человеческое достоинство и отравлял разум детей, превращая их в судей для собственной матери.

Жесткая кинематографичная драма о цене эмиграции, разрушении иллюзий и женщине, которая сожгла свое прошлое, чтобы объявить войну всему миру.

Ярослав Северцев

Эмигрантка

Дорогие читатели!

Перед вами финал первой книги — истории, которая для меня, как для автора, стала глубоким погружением в темные и сложные лабиринты человеческой стойкости, предательства и перерождения. Провожая Наталью на пороге её новой, еще более масштабной войны, я бы хотел сказать несколько важных слов о том, что осталось между строк.

В первую очередь я обязан подчеркнуть: **все персонажи, имена, локации, компании и события, описанные в романе, являются вымышленными.** Любые совпадения с реальными людьми — живыми или покинувшими этот мир — чисто случайны. Это художественный вымысел, призванный обнажить психологическую правду человеческих взаимоотношений, а не задокументировать чью-то конкретную судьбу.

Как автор, я **не призываю к эмиграции и не пытаюсь романтизировать уезд из нашей страны.** Скорее, наоборот. В этой книге мне хотелось без прикрас, честно и жестко показать, **чего на самом деле стоит такая эмиграция** и какую непомерную цену порой приходится платить в погоне за иллюзорной «красивой жизнью». За глянцевыми фасадами чужих мегаполисов часто скрываются ледяное равноду-

шие, потеря статуса, нищета и сырые полуподвалы, ломающие даже самые крепкие судьбы. Моя героиня прошла через этот ад, растеряв по дороге остатки девичьей наивности и доверия к миру. Чужбина не подарила ей счастья — она лишь заставила её отрастить стальные когти и превратиться в безжалостного хищника, чтобы просто выжить и защитить своих детей. Это история не о легком успехе за рубежом, а о том, как погоня за заграничной мечтой может обернуться крушением личности.

До встречи на страницах продолжения!

С уважением,

Ярослав Северцев

Глава 1

Ледяная вода в сером пластиковом ведре казалась серой, почти свинцовой. Каждый раз, когда я опускала в нее швабру, по рукам до самых локтей пробегала судорога. Кожа на пальцах давно потрескалась, покрылась мелкими, незаживающими цыпками, которые нещадно пекло от едкого запаха дешевого хлорного отбеливателя. В Торонто стоял февраль 1994 года — самый промозглый, серый и чужой февраль в моей жизни.

Я выпрямила спину, и позвоночник отозвался сухим, болезненным щелчком. Часы на стене огромного, пустого холла логистической компании «Nord-West Shipping» показывали половину второго ночи. Вокруг царила мертвая, гул-

кая тишина, нарушаемая только монотонным гулом вентиляции и шарканьем моей швабры по полированному граниту. В окнах-витринах от пола до потолка расстился ночной даунтаун — чужой, сияющий миллионами недоступных мне огней, холодный город, который плевать хотел на тридцатидвухлетнюю эмигрантку из Москвы.

Я подошла к панорамному стеклу, прижалась к нему лбом. Стекло было ледяным. На его поверхности мгновенно осело облачко моего дыхания. В отражении я увидела женщину, которую едва узнавала. Бледная, с синяками под глазами от вечного недосыпа, волосы стянуты в тугую, небрежный пучок аптечной резинкой. Старая, растянутая мужская фланелевая рубашка Игоря, подпоясанная шнурком, и стоптанные кроссовки, купленные на «гараж-сейле» за два доллара.

«Мебель», — пронеслось в голове горькое, выжженное слово. Так Игорь назвал меня вчера. Точнее, он не кричал. Он никогда не кричал в полный голос. Он говорил это тихо, с той самой вежливой, интеллигентной полуулыбкой, от которой у меня внутри всё сковывал ужас. «Наташа, ты же просто элемент интерьера. Полезный, но безмозглый. Кухонный комбайн, который умеет приносить деньги и мыть унитазы. Скажи спасибо, что я вообще держу тебя рядом с детьми».

Я коснулась пальцами левой щеки. Под кожей, ближе к скуле, тупо ныло. Вчера, когда я вернулась с первой работы

— из швейного цеха, где десять часов подряд настрачивала молнии на копеечные куртки, — на кухонном столе лежала недоеденная детьми яичница. Игорь сидел в кресле, читал газету «Russian Express». Он не поднял глаз, когда я вошла. Просто швырнул в мою сторону тяжелую фарфоровую кружку с остатками остывшего чая. Она не попала в меня, разбилась о косяк, обдав лицо и волосы липкими брызгами. А потом он встал, подошел вплотную, взял меня за подбородок так сильно, что захрустели суставы, и прошипел: *«Ты опоздала на двадцать минут, Наташа. Дети голодные. Сын растет, глядя на мать-замарашку, которая шляется черт знает где. Еще раз это повторится — я запру дверь. Будешь ночевать на крыльце, как собака».*

Слезы, горячие и злые, обожгли глаза. Я быстро смахнула их тыльной стороной ладони, оставив на щеке мокрый след с запахом хлорки. Плакать нельзя. Если разрыдаюсь сейчас — не успею домыть третий этаж. А в пять утра мне нужно быть на автозаправке на окраине города, чтобы успеть принять смену у индуса Раджа и расставить на полках свежие сэндвичи. Три работы. Швейная фабрика, заправка, ночная уборка офисов. Мое тело превратилось в машину, которая работала на износ, чтобы оплачивать этот проклятый полуподвальный бэйсмент в Норт-Йорке, где пахло плесенью, и покупать детям молоко.

Я потянулась к карману старой куртки, которая висела на спинке офисного кресла. Пальцы нащупали плотный, ак-

куратно сложенный листок бумаги. Мое сердце пропустило удар, забившись быстро и неровно.

Эту записку я нашла два дня назад на этом самом третьем этаже, на столе в главном кабинете. На дорогом бланке с тиснением «Евгений Волков. Генеральный директор» от руки, размашистым, уверенным почерком на русском языке было написано:

«Наталья, я вижу, как поздно вы уходите. Пожалуйста, не перетруждайтесь. В ящике стола я оставил для вас коробку печенья к чаю. И... улыбайтесь чаще. У вас очень красивая улыбка, хоть вы её и прячете».

Я не тронула печенье. Боялась. Боялась, что это какая-то проверка, ловушка. В эмигрантской среде Торонто слухи разлетались мгновенно, а Игорь имел глаза и уши везде. Но записку я забрала. Перечитывала её каждую ночь, когда оставалась одна среди этих бесчисленных столов из дорогого орехового дерева и кожаных кресел. Евгений Волков. Я видела его всего пару раз — мельком, когда он задерживался на поздние совещания. Высокий, подтянутый, в безупречно сидящем сером костюме, от него пахло хорошим парфюмом, табаком и успехом. Он приехал в Канаду всего на три года раньше нас, но уже прочно стоял на ногах, владел этой компанией, говорил по-английски без того постыдного, ломаного акцента, от которого я краснела каждый раз в супермаркете.

Для него я была невидимкой. Привидением со шваброй. Почему же он написал это?

Вдруг на первом этаже глухо звякнул замок входной стеклянной двери. Я вздрогнула, едва не опрокинув ведро. Сердце ушло в пятки. Охрана? Нет, Стив обычно делал обход в три.

Шаги. Тяжелые, уверенные шаги по гранитной лестнице. Кто-то поднимался сюда, на третий этаж. Я судорожно схватила швабру, пытаясь придать себе вид глубоко занятого человека, хотя внутри всё дрожало от глупого, необъяснимого страха. Если это Игорь? Если он выследил меня? Мысль о муже всегда отзывалась животным, липким ужасом внизу живота.

Над лестничным пролетом показался силуэт. Высокий воротник дорогого шерстяного пальто, расстегнутый шарф.

Это был Евгений.

Он остановился на верхней ступени, держа в одной руке кожаный портфель, а в другой — два больших бумажных стакана, от которых шел густой, ароматный пар. Заметив меня, он замер на секунду, а потом его губы тронула мягкая, усталая улыбка.

— Доброй ночи, Наталья, — тихо сказал он. Его голос, глубокий баритон, прозвучал в пустом холле удивительно тепло. — Я так и думал, что застану вас здесь. Вы вообще когда-нибудь спите?

Я застыла, сжимая деревянную ручку швабры как спаса-

тельный круг. Горло пересохло, и я смогла лишь выдавить из себя неловкое:

— Здравствуйте, Евгений Альбертович. Я... я уже заканчиваю. Извините, если мешаю.

— Вы мне мешаете? — он негромко рассмеялся, проходя мимо рядов столов к своему кабинету, но остановился в нескольких шагах от меня. — Наталья, это моя компания, но по ночам здесь хозяйничаете вы. И, честно говоря, чистота идеальная. Но вы выглядите так, будто сейчас упадете прямо в это ведро.

Он протянул мне один из стаканов. На логотипе было написано «Tim Hortons».

— Возьмите. Это горячий шоколад. На улице жуткий ледяной дождь начинается, вам силы понадобятся.

Я посмотрела на стакан, потом на свои грязные, мокрые руки с обломанными ногтями. Мне стало так невыносимо стыдно за свой вид, за эту ужасную рубашку Игоря, за то, кем я стала.

— Спасибо, не нужно... Мне нельзя отвлекаться, — пробормотала я, отводя взгляд в пол.

— Наталья, — Евгений сделал шаг ближе. Настолько близко, что я почувствовала тонкий аромат его одеколона — морозный, с нотками кедра. Он мягко, но настойчиво взял

мою руку и вложил в нее теплый бумажный стакан. Его пальцы на мгновение коснулись моей кожи — они были сухими, горячими и удивительно нежными. Никакой грубости. Никакого давления.

Я подняла на него глаза и тут же пожалела об этом. Он смотрел на меня не так, как смотрят на уборщиц. В его темных глазах не было жалости — в них было странное, пристальное внимание и... восхищение? Нет, мне точно показалось. Откуда взяться восхищению?

Евгений вдруг нахмурился, вглядываясь в мое лицо. В полумраке холла он заметил то, что я так тщательно пыталась скрыть — легкую припухлость на моей щеке, след вчерашнего «воспитания» Игоря. Его взгляд мгновенно стал жестким, почти опасным.

— Что это? — спросил он изменившимся, резким голосом.

Я испуганно отшатнулась, едва не пролив шоколад.

— Ничего. Я... я ударилась. О дверцу шкафа дома. Случайно. По глупости.

Евгений долго молчал, не сводя с меня глаз. Атмосфера в холле сгустилась так, что мне стало трудно дышать. Он явно не поверил ни единому слову, но давить не стал. Лишь медленно выдохнул, и его лицо снова смягчилось.

— Дверцы шкафа бывают очень жестокими, — тихо, с горьким подтекстом произнес он. — Особенно в эмиграции. Страна новая, а привычки у людей остаются старыми. И часто — скверными.

Он повернулся и пошел к своему кабинету, но у самой двери остановился и обернулся:

— Пейте шоколад, Наталья. И уходите домой. Работа не волк. Если вам нужна будет... любая помощь. Просто скажите мне. Хорошо?

Я не смогла ответить, лишь судорожно кивнула. Дверь его кабинета закрылась, и на гранитных полах холла осталась узкая полоска теплого света из его окна.

Я стояла посреди пустого этажа, сжимая в руках горячий стакан. Тепло от него медленно разливалось по моим замерзшим пальцам, поднималось выше, к сердцу, которое впервые за долгие годы оттаяло на крошечную долю миллиметра.

В кармане куртки лежала его записка. В руках был его шоколад. А дома... дома меня ждал темный подвал, холодная постель с человеком, который уничтожал во мне женщину день за днем, и двое детей, которых этот человек медленно учил меня ненавидеть.

Я сделала глоток. Сладко, горячо, до боли в горле.

«Я выдержу», — подумала я, глядя на ледяной дождь, который за окном с силой хлестал по стеклам Торонто. «Я всё

выдержу. Ради детей».

Я еще не знала, что эта встреча — первый шаг к катастрофе, которая разрушит мою жизнь до основания, отберет у меня самое дорогое и заставит меня переродиться в чудовище, способное на самую изощренную месть.

Глава 2

Запах дегтярного мыла и старой фанеры навсегда остался для меня запахом крушения.

Я стояла посреди нашей московской двухкомнатной квартиры на Малой Филевской, и у меня кружилась голова. На полу лежали огромные, разъявленные чемоданы, обмотанные серым упаковочным скотчем. Вокруг царил хаос: обрывки старых газет, в которые мы заворачивали хрусталь, детские колготки, сиротливо скомканные в углу, и голые книжные полки. Все тридцать лет моей жизни, спрессованные в несколько картонных коробок, готовились исчезнуть. Это был август 1993 года. Москва бурлила, пахла бензином, свободой и страхом, а мы — мы бежали.

— Наташа! Ты чем занята, твою мать? — резкий, дребезжащий голос Игоря заставил меня вздрогнуть.

Он влетел в комнату, покрасневший, злой, с тяжелой коробкой в руках. Игорь всегда двигался быстро, порывисто, создавая вокруг себя вихрь нервного напряжения. Его аккуратные интеллигентные усики, которыми он так гордился, сейчас смешно топорщились, но мне было не до смеха.

— Я... я собираю аптечку, Игорь. Детям в дорогу нужен

аспирин, бинты, что-то от желудка... — я судорожно попыталась запихнуть пачки таблеток в боковой карман сумки.

— Какая аптечка?! — он с грохотом швырнул коробку на диван, едва не раздавив Никитин пластмассовый луноход. — Там всё есть! Канада — это цивилизация, а не твоя глухая совковая деревня, из которой ты вылезла! Выбрось это немедленно. Мы перегружены. Из-за твоих шмоток нам придется доплачивать за каждый килограмм. Ты головой думаешь или чем?

Я сжалась. Этот тон стал появляться у него всё чаще за последние полгода, как раз с тех пор, как его друг уехал в Торонто и прислал приглашение. В Москве Игорь работал ведущим инженером в НИИ, получал копейки, которые сгорали в инфляции за два дня, и его мужское самолюбие было уязвлено до предела. Он винил во всем страну, правительство и... меня. За то, что я не умею экономить, за то, что дети требуют новых ботинок, за то, что жизнь не похожа на картинку из глянцевого журнала.

— Игорь, но это всего лишь лекарства... — тихо пискнула я.

Он шагнул ко мне. В его серых глазах за стеклами очков промелькнуло что-то холодное, расчетливое. Он не ударил меня тогда. До физической силы в Москве он еще не опускался, держал марку «мальчика из хорошей профессорской семьи». Но он умел бить словом — прицельно, туда, где больнее всего.

— Ты дура, Наташа, — отчетливо, почти с жалостью произнес он, глядя на меня сверху вниз. — Набитая дура. Нам предстоит пробиваться в чужой стране. Мне предстоит кормить троих нахлебников. А ты думаешь о баночках с зеленой. Если ты в Торонто будешь так же тупить, мы по миру пойдем. Шагом марш на кухню, проверь, всё ли из холодильника выбросила. И не смей мне перечить.

Я молча повернулась и ушла. Горло перехватило, но слез не было — они словно высохли от постоянного ожидания окрика. На кухне, прислонившись к холодному подоконнику, стоял пятилетний Никита. Он держал в руках старую плюшевую обезьянку с оторванным ухом. Его большие, испуганные глаза были устремлены на меня.

— Мам, а Чику мы возьмем? Папа сказал, что старые игрушки в Канаду брать нельзя, там новые купят. Но Чика... он же живой.

Я опустилась перед сыном на корточки, прижала его к себе. От него пахло детским мылом и печеньем. Сердце защемило от нежности и вины.

— Конечно возьмем, малыш. Мы спрячем Чику в мою сумку, ладно? Папа просто шутит, он очень устал.

— Папа не шутит, — раздался от двери холодный голос мужа. Он стоял, скрестив руки на груди. Алиса, наша двухлетняя дочка, сидела у него на бедре, цепляясь ручонками за его воротник. — Никита, положи эту грязь на стол. Мужчи-

ны не тащат за собой рваньё. Мать тебя совсем бабой делает.

Никита испуганно посмотрел на отца, потом на меня и медленно, с дрожащими губами, положил обезьянку на кухонный стол. В этот момент мне захотелось закричать. Захотелось броситься на Игоря, расцарапать его правильное, холёное лицо. Но я промолчала. Ради мира. Ради детей. Мне казалось, что это просто стресс перед отъездом. Что там, за океаном, когда закончатся эти унижительные поиски денег, Игорь снова станет тем заботливым парнем, в которого я влюбилась на третьем курсе института. Как же наивна я была.

...Шереметьево-2 встретило нас душной, липкой толчеей, криками спекулянтов и бесконечными очередями на таможню. Игорь шёл впереди, толкая тяжелую тележку с чемоданами. Он выглядел как триумфатор, покидающий тонущий корабль. На нем был лучший костюм, купленный на последние доллары, и кожаный плащ. Я семенила сзади, держа на руках спящую Алису и волоча за руку упирающегося Никиту.

У стойки паспортного контроля Игорь вдруг остановился. Нарочито спокойно, свысока посмотрев на меня, он протянул руку:

— Давай паспорта и билеты.

— Они у меня в сумочке, в надежном месте... — начала было я, потянувшись к замку.

— Отдай мне, — перебил он, и в его голосе звякнула

сталь. Он вырвал документы у меня из пальцев так резко, что ремешок сумки больно врезался мне в плечо. — Ты их потеряешь, растяпа. У тебя вечно всё из рук валится. В новой стране всеми делами буду заниматься я. Твое дело — смотреть за детьми и молчать, пока тебя не спросят. Поняла?

Люди в очереди начали оборачиваться. Какая-то пожилая женщина посмотрела на меня с явным сочувствием. Мои щеки вспыхнули пунцовым, унижительным румянцем. Я стояла посреди международного аэропорта, гражданка уже несуществующей страны, и впервые отчетливо поняла: у меня больше нет ничего своего. Даже собственного паспорта. Моя жизнь официально перешла в полную собственность Игоря.

Когда самолет «Аэрофлота» оторвался от взлетной полосы и Москва внизу превратилась в россыпь крошечных огоньков, Игорь откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. На его лице играла довольная, сытая улыбка человека, который выиграл главный приз.

Я смотрела в иллюминатор на черные, бездонные облака. Внутри меня росла глухая, липкая тревога. Я еще не знала, что впереди нас ждет не канадская мечта, а сырой бэйсмент, нищета и три работы, на которых я буду убивать свое тело. И самое главное — я не знала, что человек, сидящий рядом со мной и держащий в кармане мои документы, скоро превратит мою жизнь в настоящий, изощренный ад, из которого не будет выхода.

Кроме одного.

Глава 3

Канада пахла стиральным порошком с ароматом лаванды, дешевым фастфудом и... сыростью.

Этот запах сырости теперь въелся в мою кожу, кажется, на всю жизнь. Наш первый дом в Торонто оказался вовсе не домом. Это был «бэйсмент» — полуподвальное помещение в районе Норт-Йорк. Половина маленьких, продолговатых окон находилась на уровне земли, и всё, что я видела из них первые недели, — это грязный талый снег, колеса проезжающих машин и серые ботинки прохожих.

В квартире было три крошечных комнаты. Стены, выкрашенные дешевой серой краской, местами покрылись черными пятнами плесени. Из мебели — старый продавленный диван, оставленный прежними жильцами, обшарпанный стол и два матраса, брошенных прямо на линолеум. Холод шел от пола такой, что ноги сводило даже в двух парах шерстяных носков.

— Ничего, Наташа, это временно, — бодро говорил Игорь в первую неделю, расхаживая по комнате в теплом свитере. — Это стартовая площадка. Зато район хороший, школы рядом. Вот подтверждаю свой диплом инженера, получу лицензию — и мы снимем пентхаус в даунтауне. А пока надо потерпеть.

Но неделя сменялась неделей, месяц — месяцем, а Игорь даже не пытался искать работу. Его «подтверждение диплома» свелось к тому, что он часами сидел за столом, обложив-

шись канадскими справочниками, пил чай и рассылал резюме только в самые крупные корпорации на руководящие должности. Разумеется, оттуда никто не отвечал эмигранту без «канадского опыта» и с ломаным английским.

Наши скромные сбережения, привезенные из Москвы, таили на глазах. Нужно было платить за аренду — семьсот долларов в месяц, покупать продукты, теплую одежду детям. Алиса постоянно кашляла из-за сырости в спальне, её бледные щеки осунулись. Никита стал тихим, испуганным, он почти не выпускал из рук свою спасенную плюшевую обезьянку.

В тот вечер на ужин у нас были только дешевые макароны без масла. Игорь брезгливо ковырял вилкой в тарелке.

— Игорь, деньги почти закончились, — тихо сказала я, укачивая на коленях капризничающую Алису. — Нам нечем платить за бэйсмент через две недели. Лэндлорд, мистер Чанг, уже намекал, что выставит нас на улицу. Может... может, тебе стоит пойти поработать пока куда-то? На заправку, или в супермаркет? Нам просто нужны наличные. Вон, сосед наш, тоже инженер, пошел пиццу развозить...

Игорь медленно положил вилку. Звяканье металла о дешевую тарелку прозвучало как выстрел. Он посмотрел на меня — тяжело, с ледяным презрением, от которого у меня внутри всё сжалось.

— Развозить пиццу? — переспросил он шепотом, но от этого шепота мне захотелось спрятаться под стол. — Ты

предлагаешь мне, ведущему специалисту, человеку с высшим образованием, крутить баранку ради грошей? Чтобы вся община надо мной смеялась? Чтобы мой сын видел, как его отец опустился до уровня неквалифицированного быдла?

— Но нам нужно кормить детей, Игорь! — у меня сорвался голос, в глазах закипели слезы. — Никита ходит в рваных ботинках, у Алисы сироп от кашля закончился! При чем тут гордость, когда мы выживаем?

Игорь резко встал, с грохотом отодвинув стул. Дети вздрогнули. Никита сжался в комок, прижав игрушку к груди. Игорь подошел ко мне вплотную, наклонился, обдав меня тяжелым, злым дыханием.

— Если тебе так нужны деньги, Наташа — иди и зарабатывай, — выплюнул он мне прямо в лицо. — Твой диплом филолога здесь всё равно никому не нужен, цена ему — ноль. Ты ничего больше делать не умеешь. Вот и иди мой полы, крути гайки, делай что хочешь. Женщине не зазорно выполнять грязную работу, вы для этого созданы. А у меня — великое будущее. Я не собираюсь ломать свою карьеру из-за твоей паники и неумения распределять бюджет.

Он вырвал из моих рук Алису, которая тут же громко заплакала от его резкого движения.

— Иди на кухню и приberi этот свинарник. Смотреть противно. Довела дом до состояния трущобы. Мать называ-

ется...

Я бросилась в ванную, заперла дверь на щеколду, включила воду на полную мощность, чтобы дети не слышали моих рыданий, и упала на колени перед старым, потрескавшимся унитазом. Меня трясло. Обида, дикая, несправедливая, душила меня. Я вспомнила, как в Москве он обещал мне, что мы едем ради будущего, ради детей, что мы будем командой. А теперь я оказалась виновата в том, что у нас нет денег, виновата в том, что его это не позволяло ему пойти работать.

На следующий день я взяла бесплатную газету «Ванкувер-Торонто» с объявлениями на русском языке. Мои пальцы дрожали, когда я обводила ручкой вакансии: *«Требуются швеи на фабрику (оплата кэшем)», «Нужна ночная уборщица в даунтаун», «Срочно требуется кассир на заправку»*.

Я понимала, что обратного пути нет. Игорь не сдвинется с места. Он устроился в своем выдуманном мире «великого инженера», превратив меня в тягловую лошадь, которая должна была тащить на себе весь этот разваливающийся канадский быт.

Через два дня я вышла на свою первую работу — в пыльный, душный швейный цех на окраине города. Моя новая жизнь началась. Жизнь, в которой не было места сну, отдыху и чувству собственного достоинства. Жизнь, где я медленно становилась для собственного мужа безгласной, удобной мебелью.

Глава 4

Каждый мой день начинался одинаково — со звука будильника в **четыре часа утра**. Этот тонкий, противный писк врезался в барабанные перепонки, вырывая меня из тяжелого, полузабытья. За окном нашего бэйсмента стояла глухая, ледяная темнота. Вокруг пахло сыростью и старым линолеумом. Я сползала с матраса, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить детей. Мышцы были от усталости, а ступни горели так, словно я ступала по раскаленным углям — подошвы были стерты в кровь, кожа трескалась на пятках, и ни один дешевый крем уже не помогал.

Первая смена — автозаправка «Petro-Canada» на окраине Норт-Йорка. С пяти до десяти утра я бегала между кассой и стеллажами. Нужно было принять тяжелые коробки, расставить сэндвичи, наварить литры кофе для спешащих на работу канадцев. Мой ломаный английский вызывал у них либо раздражение, либо холодное высокомерие.

— Эй, побыстрее, я опаздываю! — бросил мне в лицо плотный мужчина в дорогом пальто, швыряя на прилавок монеты.

— Извините... — лепетала я, путаясь в центах, пока пальцы немели от холода, проникавшего через постоянно открывающуюся автоматическую дверь.

В десять я сдавала кассу, на ходу выпивала стакан самого дешевого, обжигающего черного кофе, купленного на последние центы чаевых, и бежала на автобус. Кофе крутил пустой желудок — есть было некогда, да и нечего.

С одиннадцати утра до четырех дня меня ждал душный, пыльный ад швейной фабрики. Десятки таких же, как я, испуганных женщин-эмигранток сидели в ряд под пронзительным светом люминесцентных ламп. Спина каменела уже через час. Пальцы от настрачивания бесконечных молний на куртки покрывались мозолями от игл. Здесь не было имен, были только нормы выработки. Если не успеваешь — штраф. Если сделала брак — крик мастера-итальянца на весь цех.

А в пять вечера начиналась третья, самая унижительная часть моего дня — «клининг». Уборка роскошных двухэтажных коттеджей в престижном районе Ричмонд-Хилл. Там я становилась невидимкой. Хозяйки-канадки, ухоженные, пахнущие дорогими кремами, даже не смотрели мне в лицо. Они просто указывали наманикюренным пальцем на пятна на паркете или известковый налет на дорогущей сантехнике.

Один раз, отмывая унитаз в огромной хозяйской ванной, я поймала свое отражение в золоченом зеркале. На меня смотрело существо без возраста, с грязными волосами, выбившимися из пучка, и лицом серого цвета. В горле встал ком. За что? Я ведь закончила университет, я читала Ахматову и Пастернака, я умела любить! Почему теперь моя жизнь стоит три доллара в час, выплачиваемых наличными в конверте, чтобы канадская налоговая ничего не узнала?

От голода кружилась голова. В одном из домов на ку-

хонном острове стояла большая тарелка с недоеденными детьми хозяев наггетсами и картофелем фри. Горничная-филиппинка уже собиралась сгрести всё это в мусорный пакет. Внутри меня вспыхнула дикая, постыдная борьба. Сжав зубы до боли, я отвернулась. Гордость, остатки которой Игорь еще не вытравил, взбунтовалась. Я не буду доедать объедки. Не буду.

В девять вечера, едва передвигая ноги, я наконец добиралась до нашего подвала. В руках у меня был заветный белый конверт с дневной выручкой — мои кровные, заработанные потом и слезами **восемьдесят долларов**.

Дома было тихо. Дети сидели в углу на полу. Никита пытался кормить маленькую Алису сухими хлопьями без молока. Они выглядели неухоженными, заброшенными. Сердце разрывалось от боли, когда я видела их испуганные глазки при моем появлении. Они отвыкали от мамы. Мамы просто не было в их жизни.

Игорь сидел за столом в центре комнаты. Перед ним стояла пустая кружка, а весь стол был завален разноцветными глянцевыми бумажками.

Лотерейные билеты. Десятки, сотни билетов «Lotto 6/45» и мгновенных стираемых карточек.

Я замерла в дверях, чувствуя, как внутри всё леденеет.

— Игорь... что это? — мой голос сорвался на хрип. Он поднял на меня глаза. В них горел нездоровый, фана-

тичный блеск, от которого мне стало по-настоящему страшно. Лицо его было возбужденным.

— Наташа! Ты ничего не понимаешь! — он схватил меня за запястье и с силой притянул к столу, тыча пальцем в билеты. — В субботу джекпот — пять миллионов долларов! Пять миллионов, понимаешь ты своей курей головой?! Один счастливый билет — и мы уедем из этого клоачника! Я куплю дом в Оквилле, у меня будет «Мерседес»! Нам просто нужно больше билетов, чтобы перекрыть все комбинации!

Я посмотрела на его руки, судорожно перебирающие бумажки, а потом перевела взгляд на тумбочку у зеркала, где должна была лежать коробка с деньгами на оплату аренды за следующий месяц. Коробка была пуста.

— Ты... ты взял деньги на квартиру? — прошептала я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Игорь, там было шестьсот долларов. Я не спала три недели ради этих денег! Я руки в кровь стерла! Нам платить через три дня!

— Замолчи! — Игорь резко вскочил, стул с грохотом отлетел к стене. Он схватил меня за плечи и с силой встряхнул. Его лицо исказилось от ярости. — Не смей выть! Ты ничтожество, ты мыслишь как нищенка! Твои копейки, которые ты зарабатываешь на своих грязных работах — это пыль! А я выстраиваю систему! Я просчитал алгоритм выигрыша! Ты должна молиться на меня, что я пытаюсь вытащить нас из этого дерьма, пока ты согласна всю жизнь мыть канадские

унитазы!

— Ты сумасшедший... — из моих глаз хлынули слезы, я попыталась вырваться, но его пальцы мертвой хваткой вцепились в мои плечи, оставляя синяки. — Ты спустил всё... Детям есть нечего! Никита, Алиса, посмотрите на него! Он отнял у нас еду!

— Ах ты тварь, — тихо, зловеще прошипел Игорь. Он оттолкнул меня так, что я сильно ударилась бедром о край стола. Лотерейные билеты веером разлетелись по полу. — Ты еще будешь настраивать против меня детей? Никита, иди сюда!

Сын, сжавшись в комок, подошел, не смея поднять глаз.

— Смотри на свою мать, — ткнул Игорь пальцем в мою сторону. Я сидела на полу, закрыв лицо руками, и душилась от рыданий. — Она не верит в твоего отца. Она хочет, чтобы мы всю жизнь жили в этом подвале и подыхали с голоду. Она эгоистка. Ей плевать на твое будущее. Запомни это.

Никита посмотрел на меня — в его глазах смешались ужас, непонимание и... зарождающееся осуждение, которое Игорь методично капля за каплей вливал в его детскую душу.

Игорь подошел к моей куртке, сорвал её с вешалки и бесцеремонно залез во внутренний карман. Он достал белый конверт с сегодняшними восьмидесятью долларами.

— Это я забираю. Завтра выходит новый тираж. И если

ты пикнешь хоть слово лэндлорду — пожалеешь.

Он спрятал деньги в карман брюк, взял куртку и демонстративно вышел из квартиры, с силой хлопнув дверью.

Я осталась сидеть на холодном линолеуме среди разноцветных, бесполезных лотерейных билетов. Кожа на бедре ныла от удара, но эта боль была ничем по сравнению с тем, как рвалось на части мое сердце. Я посмотрела на Алису, которая тихо плакала в углу, и на Никиту, который отошел к окну, отвернувшись от меня.

Я была для него мебелью. Безгласной, удобной вещью, из карманов которой можно забирать всё до последнего цента, бросая взамен лишь побои и унижения.

Этой ночью я так и не легла на матрас. Я сидела на полу в темноте, обняв колени, и тихо выла от безысходности, глотая соленые слезы. В кармане моих джинсов чудом осталась зажатая в кулаке однодолларовая монетка — всё, что у меня осталось. И в этой темноте, слушая кашель больной дочери, я впервые подумала, что если завтра я не проснусь, мир ничего не потеряет.

Я была сломана. Но я еще не знала, что через несколько дней судьба столкнет меня с человеком, который заставит эту сломанную мебель ожить.

Глава 5

Февральская сырость за окнами бэйсмента сменилась мартовской слякотью, но внутри нашего подвала ничего не изменилось. Тот же запах плесени, тот же холод, от которо-

го не спасали даже обогриватели, натужно гудевшие в углу. Мои дни слились в сплошную, серую полосу изнурительно-го труда. Я научилась спать стоя в автобусах, научилась не чувствовать боли в отнимающейся пояснице. Я превратилась в безгласный автомат по добыче наличных, которые Игорь с маниакальным упорством продолжал спускать на цветные бумажки лотерейных билетов.

Сегодня был особенный день. Алисе исполнялось три года.

Я копила на этот день почти два месяца. Спрятанная под стелькой моего старого кроссовка пятидолларовая купюра, случайный доллар чаевых с заправки — я собирала цент к центру, чтобы подарить дочери хотя бы крошечный праздник. Накануне, возвращаясь с ночной уборки офисов, я зашла в недорогой магазинчик на окраине и купила её — маленькую, одетую в простенькое розовое платье куклу из дешевого пластика. У неё были жесткие синтетические волосы, но для меня она казалась самым прекрасным сокровищем на свете.

Я прибежала домой в промежутке между швейной фабрикой и вечерним клинингом. Ноги гудели, руки дрожали от усталости, но внутри теплилась глупая, детская надежда: мы сядем за стол, я обниму дочку, и Игорь хотя бы сегодня побудет просто отцом. Накапливая остатки сил, я сварила суп из куриных потрохов — самое дешевое мясо, которое могла себе позволить, — и нарезала хлеб.

Алиса сидела на полу, перебирая пальчиками подол сво-

его застиранного платяца. При виде меня её личико озарилось робкой улыбкой.

— Мама пришла! — пролепетала она, протягивая ко мне ручки.

— С днем рождения, моя маленькая принцесса, — я опустилась перед ней на колени, целуя её прохладную щечку. Из-за пазухи я достала куклу, завернутую в чистую газету. — Смотри, что мама тебе принесла.

Глаза Алисы округлились от восторга. Она схватила игрушку, прижала к себе и закружилась по комнате. Никита, сидевший на диване, завистливо, но тихо вздохнул. Я подошла к сыну, потрепала его по волосам и шепнула: «В следующем месяце и тебе что-нибудь придумаем, сынок». Он кивнул, но тут же испуганно скосил глаза на дверь.

В комнату вошел Игорь. Он был в своей неизменной домашней шерстяной кофте, с выражением глубокой озабоченности на лице — опять «просчитывал алгоритмы» в своей тетради. Заметив куклу в руках дочери, он остановился. Его брови поползли вверх, а губы скривились в брезгливой усмешке.

— Это еще что за убожество? — громко, отчетливо спросил он.

Алиса испуганно замерла и спряталась за мою спину, сжимая пластиковую фигурку.

— Игорь, у Алисы сегодня день рождения, — как можно спокойнее произнесла я, хотя сердце уже привычно сжалось

в предчувствии беды. — Я купила ей подарок. Ей очень нравится. Садись обедать, суп готов.

Игорь подошел к дочке, бесцеремонно вырвал куклу из её маленьких ручонок. Алиса тут же громко, обиженно разрыдалась. Он покрутил игрушку перед глазами, словно разглядывал грязное насекомое.

— Подарок? — Игорь брезгливо швырнул куклу на стол, прямо в тарелку с нарезанным хлебом. — Наташа, ты посмотри на это барахло. Китайская пластмасса со свалки. Она же воняет химикатами! Ты хочешь отравить ребенка? Из-за твоей нищенской психологии наши дети будут расти с комплексом неполноценности. Нормальные родители дарят детям развивающие игрушки, железные дороги, а ты притащила эту дешевку. Никита, посмотри, какую ерунду твоя мать считает подарком.

Никита промолчал, низко опустив голову. Алиса продолжала всхлипывать, размазывая слезы по лицу. Внутри меня что-то оборвалось. Две недели недосыпа, стертые пальцы, голод — всё это спрессовалось в один тугой комок ярости.

— Перестань! — почти закричала я, делая шаг к мужу. — Перестань её унижать! Это я купила на свои деньги! На те, что ты еще не успел украсть из моего конверта и проиграть в свою чертову лотерею!

Лицо Игоря мгновенно потемнело. В его глазах вспыхнул тот самый холодный, расчетливый огонек, который я боялась больше всего. Он не стал орать в ответ. Он сделал то, что

умел лучше всего — ударил морально, медленно и изощренно.

Он молча сел за стол, взял ложку и зачерпнул суп. Подержал её у рта, а потом с глухим, тяжелым стуком бросил ложку обратно в тарелку. Брызги жирного бульона полетели на скатерть и на куклу.

— Это что? — тихо, с леденящей вежливостью спросил он.

— Суп... Куриный суп, Игорь.

— Это помои, Наташа, — так же тихо произнес он, поднимаясь со стула. — Холодные, безвкусные помои. Я целый день работаю головой, я пытаюсь вытащить эту семью из нищеты, а моя жена не способна даже разогреть обед. Ты никчемная хозяйка. Ты никчемная мать, которая учит детей истерике вместо благодарности.

Он резко взял тарелку с супом и перевернул её прямо на пол. Горячая жидкость с кусками потрохов и размокшим хлебом растеклась по линолеуму, добравшись до моих кроссовок.

— Убери это, — скомандовал он, глядя на меня сверху вниз, как на провинившуюся собаку. — И пока не приведешь дом в порядок, к детям не подходи. Никита, Алиса, идите в спальню. Вашей матери нужно подумать над своим поведением.

Дети, подгоняемые его жестким взглядом, послушно побрели в свою комнату. Алиса даже не оглянулась на брошен-

ную куклу. Никита закрыл за собой дверь.

Я осталась стоять посреди кухни. Вокруг пахло разлитым жирным бульоном. В ушах звенело от тишины. Я медленно опустилась на колени прямо в эту лужу супа. Взяла в руки тряпку. Пальцы тряслись так сильно, что я не могла собрать грязные куски хлеба.

Слезы хлынули из глаз — горячие, удушливые. Я зажала рот рукой, чтобы не издать ни звука. Плакать громко было нельзя — Игорь тут же вышел бы и начал новую лекцию о моей «нестабильной психике». Я мыла этот проклятый пол, глотая слезы, чувствуя себя грязной, растоптанной половой тряпкой. Я была для него мебелью, об которую можно вытереть ноги, которую можно пнуть, если у хозяина плохое настроение.

Закончив уборку, я зашла в ванную. Включила воду, прислонилась лбом к холодному кафелю и зарыдала в голос, кусая собственные губы до крови, чтобы сдержать крик. Внутри меня росла черная, бездонная пустота. Я не видела выхода. Я рабски трудилась на трех работах, отдавала всё, а взамен получала лишь разрушение своей души и потерю собственных детей, которые медленно, но верно отдалялись от меня под влиянием отца.

Я посмотрела в зеркало над раковиной. Бледная маска вместо лица. Выжженные глаза.

«Господи, за что?» — прошептала я в пустоту.

Глава 6

Ночь в нашем подвале всегда была самой страшной частью суток. Днем меня спасала непрерывная, изнуряющая суета — беготня на заправке, монотонный стук швейных машин, ведра с грязной водой. Работа притупляла мысли. Но когда часы переваливали за полночь и я наконец леглась, наступала тишина. Оглушительная, давящая тишина, в которой старые стены бэйсмента словно сжимались, превращая комнату в бетонный склеп.

Я лежала на матрасе, укрытая до самого подбородка старым байковым одеялом. На мне были надеты толстые шерстяные носки и фланелевая пижама, но ледяной холод, шедший от линолеума через тонкий поролон, все равно пробирал до костей. Зубы слегка постукивали. За тонкой гипсокартонной перегородкой тихо, с присвистом дышала во сне Алиса, иногда ворочался Никита. Они спали, а я не могла. Каждая мышца моего тела горела тупой, непрекращающейся болью, но сознание отказывалось отключаться.

Рядом, отвернувшись к стене, лежал Игорь. От него исходило ровное, спокойное тепло. Он засыпал мгновенно, с чистой совестью человека, который «выстраивает алгоритмы» и «жертвует собой ради великого будущего».

Я повернулась на бок. В темноте его широкая спина казалась непреступной каменной стеной. Внутри меня, пробирая толстый слой усталости и обиды, вдруг зашевелилось забытое, жалобное чувство. Мне стало так невыносимо одиноко, что захотелось простого человеческого тепла. Не стра-

сти, нет — просто чтобы меня обняли. Чтобы чья-то сильная рука прижала меня к себе и кто-то сказал, что всё будет хорошо. Что я не одна в этом огромном, ледяном Торонто. В конце концов, мы ведь прожили вместе семь лет. Мы были мужем и женой.

Я медленно, затаив дыхание, придвинулась ближе. Моя рука робко, едва ощутимо коснулась его плеча.

— Игорь... — тихо, почти беззвучно позвала я. — Игорь, ты спишь?

Он не ответил, но его дыхание на секунду сбилось. Я поняла, что он бодрствует. Осмелев, я прижалась к его спине, обняла его за талию и уткнулась носом между лопаток. От него пахло мылом и печатной краской от тех самых лотерейных билетов.

— Игорь, мне так холодно... Обними меня, пожалуйста. Поговори со мной. Хотя бы немного.

Вместо ответа Игорь резко, с раздражением дернул плечом, сбрасывая мою руку. Он повернулся ко мне лицом. В полумраке спальни его глаза без очков казались темными, провалившимися глазницами, а губы были сжаты в узкую, жесткую линию.

— Наташа, прекрати этот цирк, — его голос прозвучал тихо, но в нем было столько брезгливости, что я инстинктивно отпрянула. — Тебе мало того, что ты днем устраиваешь истерики из-за копеечного корыта для ребенка? Теперь ты

мне спать не даешь?

— Я просто... я просто соскучилась, Игорь, — горячие слезы против воли обожгли глаза, покотившись по вискам на подушку. — У нас уже больше полугода ничего не было. Мы вообще не разговариваем. Ты смотришь на меня как на пустое место. Я же живая, Игорь. Я женщина...

Игорь издал короткий, сухой смешок. Этот звук порезал меня изнутри сильнее, чем разбитая фарфоровая кружка.

— Женщина? — переспросил он, приподнимаясь на локте и глядя на меня сверху вниз. — Ты посмотрела бы на себя в зеркало, «женщина». От тебя за версту прет дешевым отбеливателем и машинным маслом. Твои руки похожи на наждачную бумагу. К тебе прикоснуться противно.

Каждое его слово падало мне на грудь тяжелым, острым камнем. Я лежала, замерев, не в силах даже вздохнуть.

— Ты права, Наташа, ты для меня как мебель, — продолжил он своим ровным, леденящим тоном, от которого у меня кровь стыла в жилах. — Полезный шкаф или табуретка. Мебель не просит, чтобы её обнимали. Она выполняет свои функции. Ты фригидное, скучное бревно, и всегда им была. В Москве я еще терпел твои кислые мины, но здесь, когда на моих плечах лежит судьба семьи, мне твои телячьи нежности даром не нужны. Убери свои руки и не смей ко мне прикасаться. Избавь меня от своего нищенского скулежа.

Он демонстративно повернулся ко мне спиной, сдернув на себя большую часть одеяла.

Я осталась лежать на самом краю матраса. Холодный воздух бэйсмента мгновенно облизал мою обнаженную шею и плечи. Но этот холод был ничем по сравнению с той ледяной пустыней, которая окончательно выжгла всё внутри моей груди.

«Мебель. Фригидное бревно. Прикоснуться противно», — эти слова крутились в моей голове, выбивая остатки рассудка. Я сжала зубы так, что заболели челюсти. Руки сами собой сжались в кулаки, ногти больно впились в ладони. Я не позволяла себе зарыдать. Только крупные, беззвучные слезы текли и текли, впитываясь в дешевую ткань подушки.

В эту ночь я окончательно поняла: меня больше нет. Той Наташи — веселой студентки, которая любила танцевать под дождем и мечтала писать книги, — больше не существовало. Игорь убил её. Он методично, день за днем, стирал мое человеческое достоинство, превращая в безгласную рабыню, в домашнюю скотину, которую держат только ради того, чтобы она приносила в дом деньги и чистила грязь.

И самое страшное — я не видела выхода. Бежать? Куда? В чужой стране, без документов, которые он прятал, без знания языка, без гроша в кармане? Законы Канады казались мне далекими и непостижимыми, а Игорь пугал меня тем, что если я попробую уйти, полиция заберет у меня детей и депортирует обратно в разваливающуюся Россию. Ради Никиты и Алисы я должна была терпеть. Должна была оставаться этой самой табуреткой.

Я лежала, глядя на серый потолок, по которому от фар проезжающих машин скользили бледные, призрачные полосы света. Я молила только об одном — чтобы наступило утро. Чтобы снова включился мой внутренний автомат, заглушая эту невыносимую, рвущую душу боль.

Глава 7

Эмигрантский Торонто начала девяностых жил своей обособленной, суетливой жизнью, в которую я не успевала встроиться. Для меня город делился на автобусные маршруты и лица людей, которые платили мне за работу. На швейной фабрике моей единственной отдушиной стала Фатима — пожилая женщина из Боснии с грустными, все понимающими глазами. Мы почти не говорили — её английский был не лучше моего, — но иногда она молча протягивала мне половинку своего домашнего лепешки или со вздохом мазала мои исколотые пальцы пахучей мазью. Эта молчаливая женская солидарность держала меня на плаву.

Но дома меня ждал другой фронт. Игорь начал менять тактику. Физического пренебрежения и моральных лекций ему стало мало — он принялся методично разрушать мою единственную опору. Мою связь с детьми.

Это началось в субботу, когда у меня выдался редкий свободный час между сменами на заправке и ночной уборкой. Я решила постирать детские вещи в общественной прачечной (laundromat) в подвале нашего дома. Никита вызвался пойти со мной, чтобы помочь донести тяжелый пластиковый таз.

Там, внизу, под мерный рокот стиральных машин, я впервые за долгое время почувствовала себя просто мамой. Было тепло от нагретого воздуха, пахло лавандовым кондиционером. Никита сидел на пластиковом стуле и читал потрепанную канадскую книжку с картинками, которую ему подарили в школе.

— Мама, посмотри, я уже могу прочитать: «The cat is on the mat», — с гордостью произнес он, тыча пальчиком в глянцевою страницу.

Я присела рядом, обняла его за худенькие плечи. Сердце налилось мягким, щемящим теплом.

— Какой ты у меня молодец, сынок. Настоящий канадец будешь. Скоро маму учить станешь.

Никита улыбнулся, прижался ко мне, но его взгляд вдруг упал на мои руки, лежащие на его коленях. Он осторожно коснулся пальцем темного синяка на моем запястье — следа от того, как Игорь вырывал у меня конверт с деньгами на прошлой неделе.

— Мама, а почему у тебя здесь синяк? Ты опять ударилась о дверцу, как папа сказал?

У меня перехватило дыхание. Я судорожно втянула воздух, пытаясь подобрать слова. Лгать собственному ребенку было невыносимо, но сказать правду — значило разрушить его мир.

— Да, малыш... Случайно зацепилась. Мама просто неуклюжая, ты же знаешь.

Никита внимательно посмотрел на меня, и в его детских глазах промелькнуло странное, совсем недетское сомнение.

— Папа говорит, что ты часто врешь. И что ты тратишь деньги на ерунду, вместо того чтобы купить нам нормальную еду. Папа сказал, что если бы не он, мы бы давно уехали обратно или жили на улице, потому что ты... ты не умеешь думать о семье.

Слова сына ударили наотмашь. Трясущимися руками я вытащила мокрое белье из стиральной машины и перебросила его в сушилку. Игорь делал это намеренно. Он отравлял разум мальчика, превращая его в своего союзника и моего судью.

Когда мы вернулись в бэйсмент, Игорь сидел в кресле. При виде нас он захлопнул свою неизменную тетрадь с «алгоритмами лотерей» и подозвал Никиту к себе. Он не обратил на меня никакого внимания, словно я была просто тенью, занесшей таз с бельем.

— Никита, иди сюда, — мягко, с той самой вкрадчивой отцовской теплотой, которую он приберегал для таких моментов, позвал Игорь. — Расскажи-ка мне, о чем вы говорили с матерью в прачечной? Она опять жаловалась на жизнь?

Никита испуганно переступил с ноги на ногу, бросив быстрый взгляд в мою сторону. Я замерла у кухонного стола,

сжимая в руках детские колготки.

— Игорь, перестань допрашивать ребенка, — тихо, но твердо сказала я. — Мы просто стирали вещи.

— Я разговариваю с сыном, Наташа, — оборвал он меня ледяным, кастрирующим тоном, даже не повернув головы. — Мебели слово не давали. Никита, я жду. Мама давала тебе какие-то деньги? Может, она опять прятала наличные в карманах? Ты же знаешь, что скрывать от отца правду — это грех. Мы ведь с тобой мужчины. Мы должны контролировать всё, чтобы наша семья не пошла по миру из-за её глупости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.